

Это был далеко не первый раз, когда Цинь Шэнсюэ вот так устраивался на нём сверху, — и прежде это всегда было очень захватывающим.

В фильме тоже казалось невероятно возбуждающим.

Но теперь, когда Сяо Линь на собственной шкуре почувствовал, каково это — быть под контролем, когда не можешь завершить, — его понимание того, чем страшны обладатели ментальной силы, стало куда более глубоким.

Оказывается, приказ может внедряться настолько чётко, проникая в такие тонкие детали. Достаточно одного мысленного намерения — и он держит в руках всё.

Похоже, сам того не заметив, он нарвался по-крупному...

Цинь Шэнсюэ видел, что тот просто смотрит на него, и спросил:

— Правда испугался?

Ну, это было бы разочаровывающе.

Сяо Линь покачал головой. Сказать, что совсем не страшно, было бы ложью — перед чем-то неизвестным человек всегда невольно пасует. Хоть немного, да пасует.

После того как он узнал, что Цинь Шэнсюэ — обладатель ментальной силы, он изучил кое-какие материалы. Только вот открытых данных было мало: пробудившихся — ничтожно мало, и Федерация не торопилась делиться результатами исследований. Даже от Юджина с его компанией удавалось узнать лишь самые общие, размытые контуры.

Одно было понятно твёрдо: такие люди вышли за рамки определения «обычный человек».

Сяо Линь подумал: вернее было бы сказать, что он боится не самого Цинь Шэнсюэ и не его нечеловеческих способностей. Он боится другого — что так и не сможет добраться до настоящего.

Вот он — в его объятиях. А всё равно кажется далёким.

Хорошо, что Сяо Линь не был склонен к унынию. Он не позволял себе думать о том, что, быть может, никогда не будет достоин Цинь Шэнсюэ.

Если останавливаться при каждой трудности — он бы давно сгнил в грязи.

Жена лежит в его объятиях. Одного этого факта — достаточно.

Он будет гнаться за ним вечно. До последнего.

Поэтому Сяо Линь быстро взял себя в руки. Раз это проделки жены — значит, будем играть. В крайнем случае отдаст ему свою жизнь.

И Цинь Шэнсюэ увидел, как щенок — только что смотревший на него пустым взглядом — в следующее мгновение словно принял какой-то препарат и навалился с удвоенным рвением.

Полковник Цинь воспринял это с удовольствием. Постепенно они оба начали понимать, какие преимущества даёт умение играть по-настоящему, — профессиональный подход, он и есть профессиональный.

Сяо Линь был под действием ментального внушения: Цинь Шэнсюэ держал его на грани, не давая переступить черту. Разум понимал, что происходит, — но тело инстинктивно считало, что просто недостаточно старается.

В таком положении он бросал на это все силы до последней капли, — только вот чем больше усилий, тем острее ощущалось ограничение.

Удовольствие и жажда горели, переплетаясь, — казалось, выжгут душу дотла.

Цинь Шэнсюэ тоже впервые играл в нечто настолько неистовое. Сяо Линь сейчас был мощнее любой игрушки на максимальных оборотах — и при этом не знал усталости. Ещё и с феромонами в придачу!

Только феромонов просачивалось слишком мало. Тело понимало это острее, чем разум: оно знало, сколько ему положено, — и не понимало, почему не получает.

Чем меньше получаешь, тем сильнее хочется.

Полковник Цинь наконец понял, почему у омег в фильмах так работают бёдра: отчасти техника, конечно, — но куда больше это была жажда феромонов альфы.

Даже без маркировки — уже так пронзительно. А если стать партнёрами — и после такого всё равно не получать достаточно феромонов... это и правда могло бы свести с ума.

Поцелуи, падавшие на кожу, превратились в укусы. Цинь Шэнсюэ давно был полностью раздет,

и на белой коже — следы альфийских зубов повсюду, такие, что даже с его генетической скоростью восстановления за короткое время не сойдут.

Каждый след — вброс феромонов. Кровь кипела, феромоны Сяо Линя гуляли по ней, и ощущение было не легче, чем в период гона, — только голова оставалась яснее.

Почувствовав, что Сяо Линь снова натолкнулся на ограничение, Цинь Шэнсюэ в краткую паузу его дыхания провёл кончиками пальцев по мокрому от пота лицу.

Щенок всё это время старался. Старался неплохо. Пора бы и наградить.

Можно ведь назвать это наградой?

Полковник Цинь решил, что можно.

Жар в Сяо Линь не стихал и не рассеивался. С каждым запретом казалось, что кровь в жилах бежит вспять; раз за разом это становилось невыносимее, неистовее. Он физически чувствовал, что сходит с ума.

И вот тогда Цинь Шэнсюэ, лежавший у него в руках, упёрся ладонями в его бёдра.

Серебряноволосый омега сам по себе был похож на видение из сна, — но сейчас, весь в следах укусов, потянувшийся с влажным взглядом, обращённым к нему, — он был соблазнительнее любого суккуба из историй.

Золотые искры в его глазах всё так же плясали. Сяо Линь чувствовал: никто не знает их силу лучше, чем он сам. Он — мотылёк, прикованный к этому свету, — прекрасно понимает, что пламя опасно, и всё равно летит прямо в него.

В каком-то помутнении мелькнула мысль: может, и правда умрёт.

Ну и что?

Сяо Линь положил руки на талию омеги и без колебаний отдал ему всё.

И тут Цинь Шэнсюэ произнёс:

— Теперь моя очередь.

Голова у Сяо Линя горела — он не сразу понял, что тот сказал.

А потом тонкая талия под его руками пришла в движение. Поначалу — осторожно, будто пробуя. Но очень быстро полковник Цинь нашёл нужный ритм, — омеги, судя по всему, рождены для этого.

Его талия была тоньше и гибче, чем в любом из виденных Сяо Линем фильмов, — и при этом куда более сильной.

Хрупкая красота снаружи. Воин высшего класса внутри. Чьи бёдра выдержат сравнение?

Если в том фильме бёдра омеги двигались так, что оставляли призрачный след, — то Цинь Шэнсюэ прямо сейчас показывал, что значит настоящий призрачный след.

Золотые глаза не отрывались от Сяо Линя. Серебряные волосы качались в такт движениям, рассыпавшиеся пряди обволакивали Цинь Шэнсюэ чем-то вроде сияющего ореола — но это тело, наделённое почти что божественной красотой, было всё в следах зубов Сяо Линя.

В этот миг Сяо Линь вкусил острое ощущение кошунства.

А поруганное божество выглядело совершенно невозмутимым — и даже умудрялось взять его руку своей и направлять её, заставляя служить себе, — чтобы почувствовать грубую шероховатость его ладони.

Цинь Шэнсюэ не думал о стыде в такие моменты и не видел ничего странного в том, что берёт инициативу на себя с альфой. Просто погоня за удовольствием — и когда ему хочется двигаться самому, нет никаких причин не делать этого.

Красавец наслаждался этим мгновением в полной мере. Властью над альфой. Властью над наслаждением.

Визуальный удар и телесное блаженство погрузили Сяо Линя в нечто вроде сна наяву.

Снова ограничение. Безмерное, беспросветное удовольствие без выхода — снова пытало его.

Цинь Шэнсюэ тоже дрожал, достигая предела из-за него, — но феромоны не появлялись, и его жажда была ничуть не меньше. Просто ограничивали не его, а Сяо Линя, — и омега вне периода гона, пусть и испытывающий потребность, всё же мог терпеть.

Но щенок выглядел таким жалким, таким беспомощным, что у полковника Цинь появилось желание смотреть на это ещё и ещё. Он предпочёл смаковать эту томящую, сжигающую изнутри жажду.

Стервец-омега медленно перевёл дыхание, провёл рукой по уже потерянному лицу щенка и

намеренно спросил:

— Почему не попросишь меня?

Если бы Сяо Линь попросил сам — он бы снял ограничение. Вот и всё.

Упрямый щенок. Ну и упрямец.

Сяо Линь долго не мог понять, что он имеет в виду, и наконец выдавил:

— А если... ты останешься недоволен... что тогда?

Цинь Шэнсюэ понял. Тот боится: попросит пощады — и он решит, что тот слабак.

Полковник Цинь чуть выпучил глаза. Серьёзно... вот это?

Не боится, что реально загнётся?

То ли щенок безнадёжно упрямый, то ли альфийское самолюбие зашкаливает — не разберёшь.

Красавец облизнул губы, едва сдерживая смех. Что ж, сменим тактику.

Золото в его глазах снова пришло в движение. Взгляд из-под полуопущенных ресниц лёг на Сяо Линя, и слова, слетевшие с красивых губ, звучали почти как заклинание:

— С этого момента — всё мне.

Говоря это, Цинь Шэнсюэ взял его руку своей и прижал к своему плоскому животу.

— Чувствуешь? Вот здесь. Всё мне.

Потерянное выражение на лице Сяо Линя начало медленно меняться. В неспешном движении Цинь Шэнсюэ он почувствовал под кожей нечто живое.

Ни один альфа не смог бы устоять перед такой просьбой. Сяо Линь — тем более.

Он слишком долго терпел. Хотел отдать ему всё, разом, за один раз.

Волна густых феромонов захлестнула — и у Цинь Шэнсюэ на миг закружилась голова. Он

невольно погрузился в это мгновение, вкушая удовлетворение, казалось, пронизывавшее до костей.

В каком-то смысле — наелся досыта.

Но он чувствовал, что у щенка ещё есть, и решил добавки. Сяо Линь, продержавшийся столько времени, тоже явно не собирался останавливаться.

После этого пиршества полковник Цинь, свежий и довольный, лениво принял душ, перерыл шкаф Сяо Линя, переоделся в его вещи и двинулся назад тем же путём, каким пришёл.

Уже наполовину выбравшись наружу, он вдруг вспомнил. Глаза снова блеснули:

— Проснёшься — помой и смени постельное.

На кровати Сяо Линь уже спал. Тренировки днём, дополнительные тренировки после, а ночью ещё это безумие с женой — даже молодость имеет пределы.

Полковник Цинь, видя, что тот вот-вот рухнет, без лишних слов погрузил его в сон. Тоже мне, упрямец. Ещё пытался тащить его мыться — самого бы кто отнёс.

Впрочем, Цинь Шэнсюэ был по натуре человеком небезупречным — и мыть щенка не захотел. Похлопал его по одному месту и ушёл.

Зато перед уходом не забыл вывести воздушный фильтр в комнате на максимум. Такая концентрация феромонов — это уже не шутки.

Впрочем, дело было не в том, что он боялся огласки. Просто при подобной плотности запаха могут начаться инциденты.

Сяо Линь спал крепко, как убитый — ментальная команда удерживала его в режиме глубокого сна на протяжении всей ночи.

На следующее утро он чуть не решил, что всё это ему приснилось, — если бы не постельное в стиральной машине.

Впрочем, судя по состоянию тела — явно не сон.

Сяо Линь обхватил голову руками и посидел на кровати, приходя в себя. Постепенно минувшая ночь оформилась во что-то связное.

Жена застучала его за просмотром. А потом они безобразничали полночи.

Одно воспоминание о том, что натворила ментальная сила Цинь Шэнсюэ, — и по спине снова пробежал холодок. Он так и сидел, пока в дверь не постучал Юджин — тот, кого Сяо Линь успел счесть своим лучшим другом.

Сяо Линь глубоко вдохнул и вышел.

Каждое утро — пробежка. После завтрака — военные основы, а после занятий — снова бег.

Виртуальные тренировки физику не заменят, и никакие технологии не отменяют необходимости работать над собой вживую.

Сегодня Сяо Линь был не в форме. В обычный день он бежал в голове вместе с Юджином, — сегодня болтался где-то в середине.

Как назло, Цинь Шэнсюэ — подлец каких мало — специально пришёл посмотреть.

И не просто посмотреть — ещё и прокомментировал:

— Первый номер сдаёт, что ли? Как можно так медленно бежать?

Сяо Линь вспыхнул. Едва не споткнулся — в последний момент устоял. Упав он здесь — хоть с глаз долой.

Полковник Цинь с трудом удержал лицо. Хм. Посмотрим, будет ли он в следующий раз геройствовать.

Хорошо ещё учёба, а не боевые действия — там такой «подвиг» закончился бы куда хуже.

Впрочем, Цинь Шэнсюэ недолго наблюдал — покрутился и ушёл. Иначе Сяо Линь рано или поздно точно рухнул бы прямо на дорожке.

Как только инструктор Цинь скрылся из виду, Юджин замедлил шаг и пристроился рядом. Вопросов у любопытного было много — Сяо Линь едва успевал уворачиваться от них на бегу. Все хотели знать одно: чем он умудрился обидеть инструктора Цинь?

Не мог же он объяснить, что, возможно, снова недостаточно порадовал жену. Сяо Линь нахмурился:

— Понятия не имею.

Народ принялся строить версии:

— Может, просто плохое настроение?

—...Вполне возможно. Говорят, у инструктора Цинь только что умерла первая любовь — настроение явно под стать.

— Что, ты тоже знаешь?

— Огута рассказал.

— Я тоже от него слышал.

— Чёрт, почему он ещё не переименовался в Радиобашню?

Этот парень что, каждому это рассказывает?!

Сяо Линь:

...

Вот ведь. Он ни разу так и не спросил про первую любовь.

Сяо Линь тут же закипел — как это вообще вылетело из головы? Как только он его видел, голова переставала работать напрочь.

Он ещё разбирался с собственным негодованием, когда кто-то из сокурсников вдруг вскрикнул:

— О! На следующем занятии по рукопашному бою — инструктор Цинь!

Сяо Линь мгновенно встрепенулся и тоже глянул на браслет. Так и есть — в расписании стояло имя Цинь Шэнсюэ.

Настроение разом взлетело. У всех взлетело.

Юджин тоже обрадовался, но на всякий случай добавил:

—...А вдруг инструктор в плохом настроении — и специально пришёл на рукопашный бой, чтобы нас поколотить?

Розовые сердечки у молодых альф мгновенно сменились воспоминанием о том, как Цинь Шэнсюэ разделал Лоренцо.

Сяо Линь не слышал, что говорит Юджин. В голове вертелось только одно: он не хочет, чтобы посторонние смотрели на жену в боевой форме.

<http://bllate.org/book/18348/1764415>